

НАДЕЖДА МАМАЕВА

АКАДЕМИЯ
ТАЛИСМАН

ФАМИЛЬЯР
НА МОЮ ГОЛОВУ

Академия Талисман

Надежда Мамаева

Фамильяр на мою голову!

«Автор»

2026

Мамаева Н.

Фамильяр на мою голову! / Н. Мамаева — «Автор»,
2026 — (Академия Талисман)

ПЕРВЫЙ ТОМ ЗАВЕРШЕННОЙ ДИЛОГИИ У меня нет магии. Зато есть цель. У него нет сердца. Зато есть стальной характер. А еще холодный ум, сарказм и идеальная репутация аристократа. В общем, куча недостатков. И плевать бы на них, но... Этот тип посмел встать на моем пути! А я хотела-то всего ничего: стать своей среди этих адептов академии, где учатся отпрыски влиятельнейших родов, уговорить их стать меценатами «фонда помощи фамильярам» и под это дело собрать сумму на выкуп отца из долговой ямы. Красивая легенда, искренняя улыбка, чужая магия — кто проверит? А вот поверили — все! Кроме одного! Он подозревает, задает вопросы, интересуется мной... Только если я проколюсь, то пересяду с учебной скамьи прямиком на тюремную. А отец останется в долговой яме навсегда. Клянусь, если этот проклятый выпускник испортит мне все дело, то я ему — всю жизнь! Тем более что у этого благородного типа есть и свои опасные секреты...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Фамильяр на мою голову!

Глава 1

Весна — самое время сажать! Адептов — за парты, преступников — на скамью подсудимых, косту-бульбу — в землю, чтоб росла и клубненосила.

Ее-то я, скривившись, с чувством и воткнула в землю, вовремя успев отдернуть пальцы. Ибо у этой вредной и совершенно невоспитанной огородной культуры помимо глазков были еще и зубы. И ими она могла отчекрыжить зазевавшемуся магу то, что он и так порой сует куда попало: в дверные проемы, в чужие карманы, в обручальные кольца...

Стоявшая рядом напарница по несчастью — белокурая и миловидная, но приспособленная не к посевным тяготам, а светским раутам Найриша — произнесла простенькое заклинание. Закрывающее плетение было необходимо, чтоб бульба, не успевшая укорениться, никуда не удрала, точно крот. Имела она еще и эту особенность. Вот такая агромагическая пакость. Но очень уж полезная для королевства, используемая во многих эликсирах, мазях и просто как жутко питательная гадость, с которой энергия в резерве восполнялась в разы быстрее.

Именно по этой причине садизмом и огородничеством занимались мы, пока маги-разнорабочие. Или попросту первокурсники, у которых, между прочим, был сегодня первый учебный день! Который я планировала провести слегка иначе. Как минимум, скрипя пером по бумаге, а не зубами от возмущения.

Только ректор решил все за нас и для ознакомления, сплочения, воодушевления (в общем, много чего противного на «-ения») провел для первокурсников аттракцион под названием «посевные работы». Хотя, как я подозревала, все это не столько для студентов было полезно, сколько для бюджета академии.

— Мой род — один из богатейших в королевстве! — проворчала Найриша, с ненавистью глядя в лунку, где ворочался клубень, недовольно попискивая. — Эстеры никогда не гнули спины ни перед иными знатными домами, ни перед врагами, ни... Да ни перед кем! Но, как выяснилось, в нашем мире все же есть сила, способная нагнуть любого! Бульба! — склоняясь над той, закончила напарница, и с чувством впечатала плетение в землю, и резко выпрямилась.

— А судя по рассказам нашего надсмотрщика... — Я мрачно глянула в сторону, туда, где на краю поля расхаживал старшекурсник из дисциплинарного комитета. Его задача была нас контролировать, помогать и воодушевлять. — ...эта пакость — прямо-таки оружие массового выживания для магов, — выдохнула и добавила: — Из ума.

После этих слов поправила сползшие на нос очки, откинула назад упавшую с плеча каштановую косу и бросила земли в ямку с бульбой, поскорее зарывая клубень. Тот попытался сопротивляться и, точно неупокойник, полез из своей «могилы». Но в лучших некромантских традициях ретивый клубень получил заступом сверху и притих. К слову, махать тем мне, в отличие от напарницы, было привычно. Когда папа — ботаник, а мама — экзорцист, то либо за компанию охотишься за редкими гербарными образцами с лопатой, либо ей же орудуешь, но уже одержимым поправляя корону контрольным ударом по темечку.

В общем, батрачить на агромагостанции, что раскинулась за оранжереями и теплицами и примыкала вплотную к северной стене академии, было не самым плохим вариантом. Как нам объяснили перед тем, как выдали униформу, перчатки, лопаты, посадка бульбы на территории академии, а не в полях за оными, была вынужденной мерой. Ибо взошедшая, подросшая и обнаглевшая ботва могла решиться и на побег, проверяя якорные заклинания. А студиязусы порой клали на прочность в обоих смыслах этих слов. Так что пару раз случались клубневые бунты, умирять которые пришлось боевикам: простым людям в это восстание лучше было не соваться — не сожрут, так затопчут.

Огневики в одно лето вовсе выжгли всю зеленую ораву подчистую, и над академией долго еще потом витал запах жарехи... А все это называли гордо: огородно-полевые учения.

Меня, если честно, данный рассказ не сильно впечатлил. Когда тебя в пятнадцать лет пыталась задушить живая ядовитая лиана, стебель которой был толщиной с телят, в тринадцать — сожрать плотоядный цветок, венчик которого больше тебя в два раза, и в семь — хищный мох затянуть под себя, точно в могилу, какие-то оголтелые клубни — не так уже и страшны. Тем более если в руках будет коса...

Но да остальным о моих мыслях знать было не обязательно. В академии меня приняли за аристократку. И не случайно: пришлось для этого постараться. Впрочем, выхода другого и не было.

И теперь, отыгрывая роль, я всем своим видом давала понять, что не пристало мне, наследнице состояния, в чьих жилах течет голубая кровь, орудовать лопатой радостно, чернить руки в земле охотно, да и вообще здесь быть.

Причина этому лицедейству была прозаическая, и нет, это не тщеславие, а... деньги. Много и быстро. Вот только ни один банк ссуду Аните Кавацевич, девице двадцати лет от роду, студентке-лингвисту из скромной семьи, не даст. Тем более что отец именно из-за не возвращенных вовремя займов кредиторам и оказался в долговой яме. А через полтора месяца его и вовсе отправят на каторгу. Вернее, через месяц. Две недели уже миновало.

За это время я успела и впасть в уныние, и отчаяться, и придумать дерзкий план, и начать его воплощать.

Идея была проста: оказаться там, где деньги, и попытаться раздобыть их относительно честным путем. Вот только зимний сезон балов к первому месяцу весны был уже окончен. И столичное светское общество разъехалось по поместьям. А причина все та же, по которой мы собрались здесь с лопатами: посевные работы.

Теперь до осени светские приемы будут редки и немногочисленны. Так что оставалось лишь одно место, где богатство и бедность так близки — только руку протяни. Тайринская академия левитации, иллюзий, стихий, магии, артефакторики и некромантии, или проще ТАЛИСМАН.

Единственное, имела одна маленькая загвоздка: дара у меня не было. Никакого. Такое порой случается, если у силы родителей резонанс-конфликт. Мама — истинная темная чародейка. Папа — светлее некуда. Лекари пророчили им и вовсе бесплодие. Но двое влюбленных оказались упрямее цифр, фактов и судьбы. И на свет появилась я. Абсолютно бездарная.

Только за возможность стать матерью Мариса Кавацевич заплатила здоровьем. Но почти двадцать лет мама держала: себя — в тонусе, демонов — в страхе (а по-иному у экзорциста и быть не может), нашу семейную лодку — на плаву...

А пару месяцев назад слегла. Нужно было дорогостоящее лечение, которое оказалось не по карману. И отец влез в кабальные долги. И никому ничего не сказал! Решил, что он мужчина и должен все вытянуть сам. И затянул на шее долговую петлю, которая нынче его и душила.

Маму удалось вылечить. Вот только папу при этом забрали в тюрьму по жалобам кредиторов. И сейчас единственный выход спасти тех, кто был для меня всем, — выловить деньги в водах, где их водилось много: в кошельках Тайринских аристократов. Вернее, у отпрысков оных. Тех, кто имеет доступ к финансам рода, но еще пока не столь искушен в жизни.

Так что я решила: учеба в университете, где могли получить образование простые смертные, подождет, и написала прошение об академическом отпуске. К слову, в тот пришлось прорываться с боем. Декан ни в какую не хотел отпускать лучшую студентку факультета. Еще бы: на втором курсе я владела четырьмя иностранными языками родного Срединного континента на уровне синхронного переводчика: ровийским, селенским, нордрийским и корвинским. Но помимо них замахнулась еще и на наречие жителей Рассветного материка, что лежал через Дейсторсецкий океан. Правда, пока лишь письменным. Ибо у рассветников была противная особенность: тоны. В зависимости от того, высоко или низко произнесено одно и то же слово, смысл мог быть прямо противоположным. А преподаватель, который мог бы поставить произношение, в университете был всего один. И неуловимый! Для меня — так точно. А я его даже

толком и не преследовала. Так, попросила пару раз... Хорошо, пару десятков раз помочь или хотя бы спецкурс организовать для желающих. И чего он после этого начал от меня удирать, сверкая пятками?! И даже крик:

— Магистр Блионс! Постойте! Я вас вижу!!! — не помогал. Преподаватель испарялся быстрее, чем капли воды с раскаленной сковородки.

А вот специалиста по языку империи Вошес на Закатных землях, с которыми Срединные разделяли Лавийские воды, и вовсе пока не нашлось. Так что клинопись далеких заморских жителей изучала исключительно по фолиантам.

Как шутил папа на этот счет: «Моя Анита решила охватить сразу весь мир». А я же просто хотела доказать родителям, что и бездарная смогу в жизни всего добиться! Стать лучшей в деле, которое выберу. А запечатлительная память — когда я могла прочесть страницу и с ходу пересказать все буква в букву — этому только способствовала.

Потому-то я уложилась в неделю, чтобы схватить по верхам все, что необходимо было знать желающему поступить в академию магии.

Благо экзамены в той, подчиняясь периоду сезонной миграции аристократов из столицы в поместья и обратно, начинались в середине первого весеннего месяца. Стоя у дверей, за которыми комиссия определяла: годен кандидат занять почетное место первокурсника или нет, — я выбрала себе подходящего мага.

Парень, судя по виду из простых: загорелый, с темными вихрами, стриженными под горшок, в стоптанных сапогах и с черными лунками под ногтями. Он держал в руках исписанные корявым почерком листы и зубрил с них. Я небрежно поинтересовалась уровнем дара, и узнала, что чернявый может поджечь вязанку дров. Меня это устроило, и я предложила:

— Как насчет того, чтобы помочь друг другу с поступлением?

— А как? — оживился брюнет.

— Я отвечу на вопросы, что будут в твоём билете. Ты зарядишь мой артефакт.

— Так с ними же нельзя! Вон перед экзаменами магистр вышел и сказывал: кто решит пронести — того заловят и вытурят вон, даже слушать не станут! — вытаращился на меня парень, как монашка на книгу по плотским утехам: с негодованием, страхом и интересом.

— Нельзя с заряженным и собранным артефактом. На него контур по периметру входа в аудиторию и среагирует. А с разобранным на составные части — нет. А у меня сегодня сил нет. Вчера поистратилась, и резерв на нуле... — усмехнулась я и провокационно поинтересовалась: — Ну так как? Хочешь поступить и учиться за счет короны? Или у тебя есть лишние деньги и знания?

Парень оказался хоть и простоват, но далеко не дурак и, что главное, — не трус. Так что согласился. Зашли мы с ним друг за другом. Я написала ответы и свои, и его, быстро собрала под партой из крупных блоков артефакт, который чернявый и наполнил силой.

Правда, перед этим попытался заартачиться и просто взять свои листы. На что я намекнула: да, я не в резерве, но пару капель, чтоб сжечь слова, выведенные собственной рукой, найду. Солгала я так убедительно, что чернявый поверил.

Как итог — комиссия благосклонно отнеслась к его познаниям в теории магии, а мой уровень дара позволил мне поступить на бюджетное отделение.

Жаль, что от него пришлось отказаться. И причина вовсе не в том, что после получения диплома пришлось бы отрабатывать по распределению несколько лет в какой-нибудь глухомани. Нет. Просто для той, кем я должна была здесь стать, обучение за счет короны было неприемлемо. Аристократы в состоянии оплатить себе возможность избежать унизительной отработки. А еще совместного проживания в комнате общежития на четверых и более, невкусной еды в столовой... Да почти всего, кроме бульбы! Хотя... глядя на некоторых парней, у меня создалось впечатление, что некоторые сиятельные и здесь нашли лазейку...

Я так задумалась, что локоть Найриши, которым она чуть толкнула меня в бок, стал полной неожиданностью.

— Смотри, какой красавчик! — шикнула она так, чтобы я точно услышала, а остальные — с заклинанием прослушки — не смогли.

Я глянула на напарницу. Ее спина и так до этого прямая (держат осанку таких, как эта блондинка, дрессируют с детства, чтоб даже пешком под стол — только гордо и расправив плечи) и вовсе превратилась в ровнейший идеал. По такому только отвесы проверять.

Из любопытства повернула голову в ту сторону, куда был устремлен взгляд белокурой аристократки, которая даже сейчас в темно-синей рабочей робе из комбинезона и рубахи и в соломенной шляпе умудрялась выглядеть элегантно.

В дюжине шагов от нас трое парней прикатили телегу с новыми ящиками, в которых подпрыгивала и повизгивала бульба. Первый — с темными, коротко стриженными волосами и каким-то туманным, слишком светлым взглядом, точно внутри него жил поселенец. Второй — пепельный блондин, от которого разило надменностью за милую. И третий — то ли смуглый от природы, то ли успевший загореть на ярком весеннем солнце, высокий, худощавый, жилистый, точно ремень, с собранной на затылке в хвост черной шевелюрой, в которой у виска затесалась одна седая прядь... Черты лица были не идеальными, и уж точно не мягкими. Резковатый разлет бровей. Волевой подбородок, что бывает у людей, привыкших перечить даже смерти. Высокие острые скулы. В общем, это был один из тех, кто далеко не подарок.

Но при этом в нем и правда была какая-то хищная красота.

— Да, этот брюнет симпатичный, — отозвалась я.

— Какой брюнет?! — удивилась напарница. — Я про блондина... Этот меченый сединой же простолудин! — тоном «как ты могла подумать, что я обращаю внимание на такого! У меня не настолько отвратительный вкус на парней» произнесла аристократка.

Я мысленно сделала себе зарубку: помнить не только о манерах, осанке, одежде, но и о том, что должно нравиться! У сиятельных он работает избирательно — только на своих! У девиц — так точно. Насчет парней были вопросы.

И в этот момент тот, из-за кого я так метко промахнулась с определением, кто же тут красавчик, враз поставил один из ящиков на землю, и, не иначе почувствовав на себе мой взгляд, вскинул голову. У брюнета оказались черные, точно первородный грех, глаза. И они посмотрели на меня так пристально, неотрывно, словно заглядывая в самую душу и маня ее к себе.

«Малефик?! Да быть такого не может!» — пронеслось в мозгу лихорадочное.

Сильнейшие темные маги, проклятийники, которых боялись даже демоны, кого по широкой дуге предпочитали обходить не только умертвия и личи, но и некроманты, те, чей дар был так силен, что и менталисты сквозь эту тьму не могли пробиться... И здесь?

Я сморгнула и... Наваждение исчезло. Передо мной был обычный студент. Холщовая рубаха. Такой же, как у всех, рабочий комбинезон, заправленный в сапоги...

— О, Кайр? Неужели решил испачкать свои руки? — раздалось с края поля. А после наш надзи... Прошу прощения, член дисциплинарного комитета широкими шагами направился в сторону тройцы, прикатившей телегу.

Решив, что лучшим будет не отсвечивать, я копнула новую ямку, а после ловко схватила зазевавшуюся бульбу так, что она и пикнуть не успела, и вдавила в землю.

Замешкавшаяся Найриша, наблюдавшая, как наш смотритель жмет руку блондину — похоже, тому самому Кайру, наконец опомнилась и быстро прочитала закоривающее заклинание.

Я же сегодня не колдовала, сославшись на то, что ночью приснился кошмар и я во сне призвала магию, израсходовав всю ту на удар сырой силы. Оттого и проснулась. Предлог был

правдоподобный, но, увы, одноразовый. Завтра придется или придумать что-то еще, или искать новую напарницу. Не могу же я каждую ночь сливать весь резерв...

— И тебя заставили, Вокс? — меж тем громко поприветствовал дисциплинарник того студента, который не иначе как боролся со своим внутренним демоном. И не факт, что это метафора...

Продолжая копать (и в земле, и в мыслях), сама не заметила, как стала прислушиваться. Интересно, а как зовут «мой дурной вкус»? Вот только дисциплинарник — это трепло огородное (вернее, с учетом того, где мы, — полевое) — и не подумал обратиться к меченному сединой по имени. Лишь «привет и ты».

Впрочем, троица студентов, дары привозящих, не задержалась и вскоре отбыла, а я, бульба и вопрос: «Малефик этот тип, или мне показалось?» — остались.

Глава 2

Пока же у меня были разборки с бульбой. Ящик с сей пакостью нам лично принес еще один из этих дисциплинированных комитетских извергов. И кто только придумал местное самоуправление из студентов-старшекурсников? Власти и так всегда мало. А еще она развращает и склоняет к злоупотреблению. В общем, опасная штука, которой незачем делиться с кем ни попадя!

Но ректор здесь был свободных взглядов, демократ, не иначе... Правда, об этом я только догадывалась. А что точно успела узнать: глава академии как погода — переменчивый. То грохочет громом, то застенчивый. И скромной первокурснице плевать бы на такие метаморфозы настроения, но... Вскоре придется его навестить. А всегда лучше знать о противнике, с которым будешь иметь дело, как можно больше! Так что пока я добывала информацию и... гадскую косту-бульбу из ящика. Та пробовала, правда, возмутиться, но я парой слов из тех, которые даже трупов мотивируют вкалывать, наплевав на смерть, заставила разом притихнуть весь деревянный короб.

— Как ты с ней легко управляешься, — заметила Найриша.

— Дома был целый штат прислуги. А горничные порой позубастее бульбы будут, — изображая урожденную аристократку, усмехнулась я, правда, ни на миг при этом не забывая, что из прислуги у меня всегда были лишь собственные руки.

— Похоже, у тебя немалый опыт, — с затаенной завистью протянула напарница, которая уже успела поделиться много чем о себе.

Нириша была дочерью герцога. Правда, дела того шли сейчас не очень хорошо. Ибо не сиятельное это дело — торговлей заниматься или в тонкости производства вникать. Так что, вложившись в парочку прожектов, папенька моей напарницы знатно погорел и решил, что аренда — она как-то понадежнее будет. Потому большим состоянием блондинка похвастаться не могла, в отличие от связей. Как выяснилось, многих студентов она знала еще до поступления в академию: встречала на балах и светских раутах, куда отец с матушкой ее вывозили, подыскивая подходящую партию. Ибо хоть дела шли и неважно, но для единственной дочери они не скупились. Вон, даже год обучения в академии оплатили, чтобы наследница не горбатилась на корону, отрабатывая долг. И поэтому Нириша гнула спину исключительно на благо академии. Правда, до обеда. К тому времени закончились и наши силы, и бульба в ящике.

— Обеденный переры-ы-ыв! — разнесся над полем зычный голос дисциплинарника.

Зря он так категорично. На землю тотчас попадали лопаты, и даже один студизус со стоном смертельно раненного бойца. Но никто не обратил на страдальца внимания: первокурсники, сбившись в стаю, точно зомби, мигрировали на юг, в столовую.

Ну и мы с напарницей не стали отбиваться от коллектива: свернули на мощеную дорожку, что вела к главному корпусу, и вскоре оказались у входа в столовую.

Здесь, как и во всем ТАЛИСМАНе, проповедовавшем равенство, братство, мир, труд, весну и прочее идеально-несбыточное, царило разделение. Слева — раздача для тех, кто учится за счет короны: каши на воде, серый хлеб, компот из сухофруктов и запах экономии. Справа — для тех, чьи рода могут себе позволить платить. Там пахло иначе. Сытнее, наваристее и куда дороже.

Мы с Найришей, не сговариваясь, свернули туда.

Сейчас на всех были рабочие робы, выданные академией, так что с первого взгляда и не различить, кто есть кто. Но выданные при заселении браслеты, позвякивавшие на руке, позволяли раздатчице не ошибиться: кому выдать вкусного гуляша, а кому по шее за наглость.

Очереди почти не было. Аристократы не признавали толкотни там, где ее можно избежать. Потому вместо одной поварихи, как у бюджетников, у нас сновали сразу три в белых кителях и колпаках. Так что толпа просто не успевала образоваться.

Я взяла поднос из темного дерева, украшенный гербом академии, и двинулась вдоль стола, где в медных мисках дымилось, шкворчало, манило и соблазняло...

— Какое все жирное, сдобное, мясное... Наверняка сытность каждой порции превышает мою норму еды вдвое, если не больше, — возмутилась Найриша рядом. — А талия после такого обеда?... от нее же ничего не останется! И от желудка. Как это все вредно!

— Ну... надо же от чего-то умирать. Этот способ хотя бы приятный, — заметила я и добавила: — К тому же в нашем возрасте организм еще растет...

— Угу. Вширь, — не сдавалась блондинка.

Но на кугелисе — запеканке из тертой бульбы с копчеными шкварками, такой румяной, что на ней хотелось рисовать маслом, — Найриша признала поражение. А может, захотела поквитаться с противными клубнями? Так или иначе, но рядом с чахлым пучком укропа на ее тарелке оказался внушительный кусок этого самого кугелиса. А спустя совсем немного времени рядом — ведрай — котлета размером с мужскую ладонь, пропитанная сметаной и зеленью.

Я же взяла шальтис — бульбовую бабку, щедро сдобренную луком и салом, и к ней — пюре из ревеня.

Мы нашли свободный столик у окна, сели и принялись за еду. Правда, при этом пришлось контролировать не только осанку, но и аппетит: чтобы не наброситься на еду. Все же рабство на свежем воздухе очень развивает у человека шестое чувство. Правда, не астральное, а голода.

Чтобы не поддаться тому, я стала изучать столовую. И случайно заметила парня, на которого обратила внимание еще на поле. Он сидел в углу, за столиком у стены. В рабочей, как у нас с Найришей, робе, плечистый, рослый, с простоватым, уже успевшим загореть явно не сегодня на солнце лицом. И да, на его запястье не было браслета, как у меня. Значит, коронный, в смысле — учится за счет короны.

Так вот, к этому самому студенту сейчас, быстро оглянувшись, подсел другой. В пиджаке, что стоил как весь мой дом, с холеной физиономией, к которой накрепко приклеилось выражение надменной пресыщенности жизнью.

Уже одно то, что эти двое оказались за одним столом, уверило меня еще больше в утренней догадке. А быстрое движение, когда из тонкой, изящной, явно ничего тяжелее бутерброда не державшей руки с маникюром несколько стопок золотых моментально переключались в широкую мозолистую загорелую ладонь, стало окончательным подтверждением.

Плечистый меж тем выслушал сказанное франтиком, коротко, не поднимая головы, кивнул, сунул деньги в карман и продолжил есть. Будто ничего не случилось.

Я опустила ложку.

— Ты чего? — спросила Найриша, прожевав кугелис.

— Ничего, — ответила я, обдумывая идею. А еще — отчаянно сражаясь. Ибо обед после трудовых подвигов — это всегда борьба. До того, как начнешь есть, — с голодом. После — с желанием поспать.

Правда, у Найриши, похоже, еще и с собственным организмом. Она, пустившаяся во все гастрономические тяжкие, вдруг побледнела и, выдохнув, что ей нехорошо, поспешила прочь. Эх, все же не подготовлен оказался организм леди к тяготам нормальной сытной еды.

Я же осталась, покрутила ложечкой по опустевшей чашке и, дождавшись, когда плечистый в углу закончит есть, решительно встала из-за стола, чтобы спустя два десятка шагов и три дюжины ударов сердца оказаться ровно на том месте, где еще недавно сидел франтик.

Причем я присела как раз в тот момент, когда загорелый здоровяк отвлекся, повернувшись к выходу, и вздрогнул, увидев меня. Даже сморгнул.

Хорошо, что знамением себя не осенил, точно я нежить. Надеюсь, он не боевик? А то с такой реакцией парню туго придется...

— Привет, я Анита, — решила, что в дипломатическом разговоре, именуемом еще взаимовыгодным шантажом, стоит проявлять вежливость.

— Угу, — только и буркнул парень, смерив меня мрачным взглядом гробовщика.

Ну да, я не писаная красавица. Обычная девушка. Средний рост, чуть худощавая. Каштановые волосы. Очки, ибо корректирующие зрение заклипания — штука хорошая, но со многими эликсирами совместима плохо. Да и куча иных ограничений. Поэтому между «ходить без окуляров, но в темноте не видеть ни зги» или «периодически поправлять на переносице съехавшую оправу» я выбрала второе.

Так что да, я не идеал, но зачем так кривиться? Я слегка чудная, а не чумная все же девица...

Впрочем, еще немного вежливости и намеков — и этот тип удерет. Оттого решила покончить с этикетом и перейти к делу.

— Заметила, ты сегодня работал на поле один... — начала я, и парень тотчас поднялся. Вздумал сбежать, гад! Но от меня еще никто так просто не уходил, и я добавила уже в спину успешного сделать шаг студента: — Думаю, дисциплинарному комитету будет очень интересно узнать, почему... И где в это время был твой напарник, за которого ты отработывал... причем не бесплатно.

Это была всего лишь версия. Но все улики сходились, так что я решила идти ва-банк. И не прогадала.

Широкие плечи вздрогнули, а в следующий миг парень развернулся всем немалым собой и навис над одной хрупкой девушкой.

— Чего ты хочешь, фискалка? Денег? — сквозь плотно сжатые зубы процедил он.

— Воу-воу-воу... Я похожа на ту, кому медяшки нужны позарез? — протянула я, изобразив, что оскорбилась. Впрочем, не столь сильно, чтобы по-настоящему разозлиться. И поставила локоть на стол. А то, что манжета рубашки сползла, обнажив запястье, на котором красовался отливавший золотом (не чистым, судя по весу, а всего лишь нанесенным поверх стали) браслет, — это уже не я. Это исключительно гравитация.

Парень, не будь дурак, намек понял и сел за стол куда медленнее. И злее. А еще говорят, что после сытной еды можно простить даже недругов. Нагло врут! Этот русский отобедал как следует, я его врагом еще даже толком стать не успела. А волком он уже зыркает. Причем с самого начала.

— Чего тебе тогда?

— Сколько тебе заплатил тот студент в сером пиджаке?

— Какой? — не иначе решив прикинуться дураком, а может, просто выгадывая время, уточнил здоровяк.

— За которого ты сегодня вкапывал вдвое больше положенного, — это я произнесла четко, без тени сомнения. Дрогнувшие плечи сдали этого работягу с потрохами. Так что как бы он сейчас ни удивлялся, как бы ни отрекался — уже бесполезно. — Сколько?

И чуть наклонила голову, посмотрев на сидевшего поверх очков.

Да, я была ниже, но не зря оттачивала стержневой взгляд перед зеркалом несколько дней. Русого пробрало.

— Тридцатку за всю неделю разом... — нехотя выдохнул он и, защищаясь, окрысился: — И что с того?

— А то, что можешь заработать втрое больше, если силенок хватит...

Хотя я и так знала: еще как хватит. Да на таких плечах пахать можно! Ну и сидеть с удобством. Что франтик до меня и делал. А я лишь воспользовалась удобной схемой...

— За тебя еще, что ли? — смекнул студент.

Ну наконец-то!

— И не только... Завтра утром получишь задаток. Половину. Остальное — в конце недели.

— Все деньги завтра наперед, — вступил в торг русский.

Я на это усмехнулась. Вот так всегда. Люди готовы ждать чуда, спасения души, подходящего момента сколь угодно долго. Но деньги, будь добр, вынь да положи сразу.

— Договорились! — произнесла и добавила вопросительно, намекая на то, что хорошо бы хотя бы в конце разговора представиться: — Как тебя...

— Арнас, — выдохнул он и протянул по-простецки руку. Потом вдруг опомнился и хотел ее убрать, но я успела уже пожать мужскую ладонь.

Все же роль ролью, не стоило забывать, из какого я сама теста.

Расстались мы вполне довольные друг другом, и я отправилась на поле, где нашла Найришу на пустой телеге. Выглядела она неважно. И предложение заплатить за посадку и не мучиться восприняла с радостью. А для кармана графини особой разницы не было, достанут из него шестьдесят золотых или тридцать.

Будем считать это посредническими услугами. Зато теперь можно на неделю избавиться от вопросов о даре. Остаток дня Арнас вкалывал за четверых. Мы же с напарницей незаметно удалились с поля и вернулись как раз к перекличке, получив день отработки, русоволосый маг — приличное пополнение своего кошелька, а я — несколько дней передышки и первую настоящую приятельницу.

Блондинка была несказанно счастлива, что ей не придется больше гнуть спину и портить свои руки, вернее перчатки, и, идя на ужин, даже порадовалась, как ей повезло, что именно я стала ее напарницей.

— Главное, чтобы маркиза Девон и баронесса Кастрин ничего не заподозрили. Иначе заложат и не поморщатся, — предупредила Найриша и пояснила: — Я с ними знакома была еще до поступления в академию.

— А кого еще из светского общества ты знаешь здесь? — закинула удочку я.

— Многих, — без тени бахвальства призналась блондинка и, увидев кого-то среди студентов, что шли на ужин в столовую, она вскинула руку и, помахав той, воскликнула: — Патруша, дорогой, ты здесь!

И удивительное дело: этот вроде бы простецкий жест вышел у нее так изящно, что лишь добавил напарнице светскости. Надо бы взять на вооружение.

Меж тем на девичий голос обернулся студент со светлой косой едва ли не до пояса. Миг узнавания. Удивление... И вот уже к нам спешил парень в изящном костюме. Причем он был такого роста, что его лоб отлично бы подошел для ударов о косяки.

— Как раз кое с кем я тебя сейчас и познакомлю... — предвкушающе протянула Найриша с видом человека, который решил облагодетельствовать окружающих и теперь им от такого счастья даже в гробу не спастись.

Впрочем, Патруша или Патрик Йорган оказался парнем неплохим, хоть и чокнутым тряпичником. Правда, он просил себя величать кутюрье.

Моя напарница, представляя нас друг другу, так и отрекомендовала своего приятеля:

— Потомственный одержимый модой и создатель порой странного, но всегда прекрасного.

Тот от подобных эпитетов аж закашлялся, точно схватил лихоманку. Хотя с учетом его утонченного, даже чахлого (особенно при таком-то росте) телосложения болезненность была бы оправданной.

Впрочем, недуг продолжался всего пару секунд, после чего обладатель косицы пришел в себя. И поинтересовался тоном человека, который еще не успел понять, вдребезги ли уже

разбита его репутация или пока балансирует на краю, точно хрустальная ваза, которую еще можно подхватить и спасти:

— Нари, надеюсь, больше ничего обо мне вам не рассказывала?

— Не успела, — заверила я.

— Да, решила, что каждый сам должен губить свое имя, в меру талантов и энтузиазма, — гордо отозвалась блондинка и, наклонившись ко мне, шепотом, но так, чтобы Парик слышал, добавила: — Если он решит похоронить тебя под горой нарядов и рассказов о них, дай знать. У меня-то к этим разговорам уже стойкий иммунитет.

— Я все слышу, — заметил обладатель длинной и белоснежной — всем девицам на зависть — косы.

— Тогда делай выводы, — Найриша была сама непробиваемость.

Но, как оказалось, Патрик считал: предупреждения придумали трусы. Предубеждения тоже. Потому спустя совсем немного времени наш разговор — в отличие от пути — свернул не туда.

Шли мы прямо к раздаче. А беседовали сначала о погоде, природе, агрономических испытаниях в академии, к которым жизнь нас не готовила, о том, как Найриша ждет наконец нормальной учебы на факультете стихийной магии. А после — о моде.

Той я интересовалась слабо до последнего времени. Но за два минувших месяца пришлось окунуться и в эту тему. Причем я подошла к ней как к изучению нового языка. Обложилась изданиями: правда, не справочниками и монографиями, а модными журналами, брошюрами с советами. А вместо музеев и архивов посетила несколько салонов дамского платья.

Правда, там на меня посмотрели как на вошь, и, судя по лицам модисток, хотели прогнать. Но я, изобразив прислугу, сослалась на то, что моя госпожа желала бы заглянуть сюда сама, но для начала отправила горничную на разведку. В таком статусе мне позволили побродить меж манекенов — и, так сказать, провести полевой практикум. И хотя я запоминала все быстро, но модная наука оказалась ничуть не проще квантовой магии: чуть что не туда добавишь, сочетание не то выйдет и бац — провал! Взрыв дурновкусия и цунами порицания. Так что пришлось подойти к миру шляпок, кринолинов, шелков и чулок со всей серьезностью.

Зато сейчас это позволило мне с легкостью поддерживать разговор с Патриком. А еще теперь я по одному брошенному взгляду могла определять статус человека — в том числе по качеству ткани на нем, по тому, как сидел рукав, по отделке, швам и тому, что между строчек. Ведь, сколь бы ни твердили философы и поэты о красоте и богатстве души, внешний облик тоже говорил немало.

К слову, с ним у меня вскоре могли возникнуть проблемы. Потому как на один приличный наряд, который был бы годным для заявленного статуса аристократки, денег хватило. Благо я купила его не в модном доме, а в лавке комиссионного платья. Кажется, туда сдали целый чемодан вещей от покойницы, но мне по карману оказалась только одна из них. И если чем-то не пополнить гардероб, то вскоре у моих новых знакомых могут возникнуть лишние вопросы.

Потому беседу с Патриком я вела весьма живо. И когда выяснилось, что его семья действительно уже несколько поколений держит целую сеть модных домов, я спросила:

— Почему же их нет в моей родной Ровийской империи? Я ни одного не встречала.

Это была чистая правда: когда я изучала мою мнимую родину, то в том числе уделила внимание и тамошним великим родам, основным предприятиям, торговым сетям — и такой звучной фамилии Йорган среди них не было.

Кажется, я наступила на большую мозоль этого утонченного блондина. Потому как он поморщился, почесал свой длинноватый нос и нехотя признался:

— Мы никак не можем пробиться на ваш рынок.

Он произнес это, когда мы переступили порог столовой, где запах подгорелой каши (хотя может, кое у кого подгорала и не она, но кое-что пониже спины) схлестнулся в неравном бою с ароматом жареных каплунов под сливочным соусом, а кислый квас соперничал со свежестью лайма и мяты в лимонаде. Селедка и чеснок. Шафран, розмарин и только что нарезанный трюфель...

Как по мне, это было убойно. Судя по лицам спутников — только так и должно.

— Ровийская империя достаточно закрыта для чужеземцев, и найти того, кто поспособствовал бы представительству нашего торгового дома, пока не удалось, — с досадой выдохнул маг.

Я хитро прищурилась, давая понять, что намек поняла, и протянула:

— Я бы могла составить протекцию. Но боюсь, что советовать знакомым вещь, в то время как сама ее не испробовала... Это может бросить тень на мою репутацию.

— А если перед этим убедиться в отличном качестве наших вещей? Может быть, ты... вы... — маг сбился. Не иначе пытаюсь определиться, кто сейчас перед ним: случайная знакомая, с которой его подруга настаивала на исключительном «ты», или деловой партнер, для которого уместнее светское «вы».

— Только Анита и без пафоса и великосветскости, — улыбнулась я.

— Тогда я непременно пришло тебе завтра же с утра несколько образцов. Только скажи — куда?

Найриша, слушавшая наш разговор, в шутку погрозила своему другу пальцем:

— Так ловко выведать адрес спустя четверть часа знакомства! Я не думала, что мой друг такой шустрый.

— Я просто сегодня жутко деловой. Сам от себя в шоке, — тоже вроде бы в шутку, хотя на самом деле абсолютно всерьез, заверил Патрик.

В этот момент мы как раз подошли к раздаче. На этот раз Нари взяла прозрачный бульон с одним перепелиным яйцом и двумя маленькими гренками из черного хлеба на закваске «по особому столичному рецепту». Я глянула на этот пробник ужина и подумала, что здоровая еда — это как-то совсем не здорово. Особенно в размере такой кукольной порции.

Не обошел вниманием это и Патрик:

— Ты опять на диете своей матушки? Здесь-то ее нет. Можешь есть сколько хочешь.

— Кто бы говорил! — фыркнула приятельница, окинув тощую фигуру блондина.

— У меня такая конституция, — попытался оправдать данное природой телосложение.

— А у меня — свод законов о питании, — парировала Нари.

— Это не свод, а какие-то тюремные правила! — не отступал маг.

— А ты всегда так ешь? — я вклинилась в этот, судя по всему, давний спор и взглядом указала на поднос Нари.

— Всегда, — сдал Патруша подругу.

— Ну тогда неудивительно, если тебе стало сегодня плохо, — заметила я и пояснила, увидев удивленный взгляд блондинки: — Твой желудок просто не привык к нормальной еде.

— Вот! — воодушевился маг, увидев поддержку в моем лице. — Анита правильно все говорит. Будешь постепенно переходить на нормальную еду и в обмороки падать перестанешь! А то на балах ты в них чаще оказываешься, чем на паркете, вальсируя.

— Болезненность, худоба и потеря сознания подобают леди.

— Угу, чтоб ее, падучую, подбирали с пола почаще, как маркиз Форман на балу в честь закрытия сезона, — фыркнул Патруша, и сквозь эту его запальчивость я увидела кое-что иное — ревность.

Пригляделась. Ну точно! Да он, похоже, был без ума от своей подруги. Меж тем сам будущий модельер, а пока маг факультета трансформации, взял себе фаршированную перепелку, я — кабанию лопатку (всегда мечтала попробовать дичь, а не только ее творить!) с печеной айвой.

Найриша, глядя на наш саботаж ее диеты, не выдержала и добавила еще тарелку, в которой на нежных листьях салата лежал совсем небольшой кусочек томленной печени. От него приятельнице не должно стать плохо.

Усаживаясь за обеденный стол, я, глядя на этого с виду болезненного, возвышенного и даже чуточку инфантильного студента, деловую хватку того оценила. А еще то, что... про себя усмехнулась. Ну, можно сказать, что я ничего не просила. Предложил он все сам, не настаивая ни на каких гарантиях.

Так что, кажется, вопрос с нарядами на ближайшие дни решен. Но план выбраться в город, вновь изображая служанку, которую послали забрать заказанное госпожой платье, я все же выкидывать в корзину не стала.

Да, не состоялось бы сегодня столь удачное знакомство с Патрушей — пришлось бы изворачиваться. Когда я была на «экскурсии» в одном модном салоне, то подслушала разговор горничной и модистки. Выяснилось, что служанка работает на баронессу Дойц. Та была уже немолодой леди, но страсть в ней пылала. В основном к покупкам, которые, как проговорилась посыльная, ее хозяйка порой даже не доставала из коробок.

Надо ли говорить, что я последовала за девушкой, забравшей кучу бумажных пакетов, и, случайно столкнувшись с ней, помогла все донести. А заодно разговорилась и выяснила, что баронесса покупала много. Иногда мелочи, вроде сорочек или пары повседневных платьев, даже через горничную.

Так что дело было за малым — изобразить новенькую служанку Дойц и забрать наряд-два, записав на ее счет. Могу поспорить, что леди этого бы даже не заметила.

Но этот вариант можно отложить на потом. А пока — взяться за вилку!

Глава 3

Правда, в компании перепела, кабанчика и печени мы оставались недолго. Вскоре к нашему столу присоединились еще двое. Антуан Десент и Матильда Тоба — знакомцы больше Патруши, нежели моей напарницы.

Обе фамилии были мне знакомы, поскольку, поступая сюда, я готовилась не только к экзамену по юриспруденции и штудировала модные журналы. Основные рода тоже запомнила, как и примерный размер состояний каждого из них — это была одна из любимых тем у бульварных газетчиков.

Так вот, я оказалась рядом с теми, кто представлял реальный интерес для моего будущего фонда. Правда, сейчас я даже пожалела, что одета в рабочую робу. Все же трудно будет произвести первое впечатление во второй раз.

Впрочем, ребята оказались с пониманием, потому как всего год назад тоже проходили и через бульбу, и через избрание старосты на первой учебной неделе, и через ритуал призыва фамильяра.

Последним я живо заинтересовалась. Ибо фам — существо исключительно магическое. А раз дара у меня нет, то и зверя — живого воплощения силы — тоже быть не может.

Матильда, то теребившая кулон в виде змейки на шее, то поправляющая короткую стрижку огненных волос, с охотой пояснила, что ритуал — это скорее повод для последующей за ним вечеринки, где старшекурсники могут познакомиться с новичками.

Тем более что почти у всех аристократов магозвери пробуждаются гораздо раньше: сила рода не дает им засидеться долго.

— У тебя же тоже фам наверняка уже есть.

— Да, — изображая невозмутимость, отозвалась я. — Просто мы с ним плохо ладим.

— И какой? — Антуан, сидевший напротив, оживился и резко подался вперед. С его синдромом кома, когда ни фигурой не удался, ни ростом — вышло так, что на меня в атаку двинулся стол.

— Лисица, — выдохнула я, мысленно скрестив пальцы: прости, бабуля, но похоже, без тебя никак.

— Жа-а-аль, — протянул Антуан так, что кажется поникли даже его буйные задорные кудряшки.

— Просто у нашего приятеля фам — здоровенный алый гриззи. И по весне у этого медведя организм, как у всякого только что пробудившегося мужчины, хочет любви. Вот Туи и ищут своему зверю косолапую пару, — пояснил Патруша.

Я же поспешила свернуть с темы фамов на вечеринку, которая должна была быть после ритуала. Беседа потекла дальше, так что пришлось поддерживать и ее, и мою легенду о том, что являюсь дочерью графа Бэтфлейма. Но не хочу в жизни полагаться лишь на его имя, а найти свой путь.

— Так ты поэтому приехала сюда? — уточнила Матильда.

— Да, — коротко кивнула и задумчиво посмотрела в окно, где солнце еще не село, но уже клонилось к горизонту, касаясь краем черепичных крыш Академии. И было оно уже не яростно-желтое и не паляще-золотое, а мягкое, теплое, каким бывает только весенний свет, когда небо, уставшее после долгого суетного в пробуждении природы дня, готовилось и взбывало мягкую перину облаков.

Березы вдалеке уже успели распустить свои изумрудные листики-гроши, тоненькие, почти прозрачные на просвет, отчего крона деревьев напоминала скорее сквозистую дымку, чем плотную накидку. Где-то далеко, над старым дендрарием, стоял крик грачей, которые никак не могли утомиться со своим гнездованием.

Свет проникал в столовую длинными косыми полосами, которые растворялись в отблесках магических фонарей, зажегшихся под потолком.

Я сглотнула, думая об отце, настоящем отце, который сейчас за решеткой. Поел ли он? Не мерзнет ли? Ночи по весне холодные, а я сомневаюсь, что в каменных мешках тюрьмы есть хоть намеки на отопление. А я здесь, сижу вот за столом, вкушаю...

Пальцы непроизвольно сжали вилку. Отчаяние нахлынуло непрошеной волной, и голос зазвенел, когда я произнесла:

— Для родителей идеалом всегда был мой старший брат. Руберт был лучше меня, кажется, во всем.

Получилось отчаянно. И правдиво. Боль и глухая тоска. Пусть и по иной причине.

— Тебе надоело быть его тенью? — спустя несколько секунд понимающе протянул Альберт, который тоже был вторым сыном и, если верить газетным заголовкам, не самым любимым.

Я только собралась ответить на это, как впорхнувший в столовую бумажный самолетик точнехонько устремился ко мне, чтобы упасть рядом с тарелкой. Мамин почерк я узнала сразу, и в живот словно камень ухнул. Тяжелый и холодный.

Первой мыслью было: «Что-то случилось с папой?!». Второй: «Или с самой мамой?».

Извинившись, я схватила зачарованное послание и поспешила прочь. Читать письмо лучше было без свидетелей.

Вылетела из столовой точно пульсар из огнестрела — стремительно, неудержимо, видя цель и не видя к ней препятствий. Так что, если оные и были на моем пути — это их проблемы.

Бумажный самолетик жег пальцы, заставляя пульс молотить, и я ощущала его гулкий ритм в барабанных перепонках.

Бум-бум-бум. Стучало в висках. Тук-тук-тук. Вторил им стук моих подметок о каменный пол.

Коридор встретил меня суетой: жизнь в академии кипела даже после ужина. Студенты сновали туда-сюда: кто-то тащил стопку книг, прижимая свою ношу подбородком, кто-то на ходу дожевывал булку, которую стащил из столовой, а двое магиков прямо в углу выясняли отношения с помощью учебника по боевой некромантии — тяжелого, в кожаном переплете, с медными уголками. Таким можно вбивать знания в голову не только образно, но и хорошенько размахнувшись. В случае применения второй метода учебного рвения у студентов может быть даже больше.

Повернула за угол, и до меня донеслось:

— Ты додумался назвать фама Ворсивоний Мальтус?

— А почему нет?!

— Имя магозверя должно быть коротким, как удар хлыста, и звучным, чтоб легко запомнить. Ну и хотя бы немного цензурным, чтоб не стыдно было ночью его в окно орать, когда он дурить будет...

— Почему это когда?! Если! Мальтус — воспитанный песец!

— Поверь, все сначала думают, что «если», опытные хозяева знают точно — «когда».

Оставив диспут о фамонаречении позади, я продолжила лавировать между студентами, как опытный вор — меж гнилыми половицами — быстро и молясь про себя.

Магические светильники под потолком горели ровным бледно-золотым светом, не мерцая и не создавая лишних теней. В академии с освещением проблем не было — не успеешь моргнуть глазом, как где-то засветишься. Хотя в том же «Сплетнике», о котором мне мельком поведала Найриша.

Проблемы были здесь иные: булба, дисциплина (ради нее целый комитет вон создали), зачарованные грабли, которые кто-то постоянно забывал в коридорах.

Кстати, о граблях. Я перешагнула через третьи — аккуратно, не касаясь. В прошлый раз, говорят, один первокурсник так взлетел на них, что его нашли на чердаке библиотеки через три дня. С тех пор он носит негласное прозвище Возвышенный.

Боковой коридор, куда я свернула, оказался тише. Здесь располагались архивные хранилища и запасные выходы для прислуги, так что студентов, как социального класса, почти не водилось. Зато обретались странные звуки: где-то глухо ухало — то ли отопительная система на магии замедленного времени, то ли очередной эксперимент алхимиков пошел не по плану, а в трубу. Водосточную. И теперь носился по ней табуном кэльпи.

Впрочем, все это меня не интересовало, а вот ниша с фикусом рядом — еще как.

Кадка с тем прикрывала собой отчасти глубокий оконный проем почти от пола до потолка.

Через переплетное — с тонкими вертикальными и горизонтальными перемычками между стеклами — окно был виден внутренний двор, где после первого дня посадки телеги с инвентарем выстроились в ровные ряды. Кто-то даже повесил на лопату табличку «Свободу бульбе!». Дисциплинарного комитета пока не видно, но к утру табличку, скорее всего, снимут, а автора отправят разгребать компостную кучу.

Я прислонилась спиной к откосу, так, чтобы свет из окна падал на лист, и принялась за чтение.

Мамин почерк был неровным, суетным, с кляксами на первых буквах: значит, спешила.

«Анита, родная. Дыши. С отцом все в порядке. Нам разрешили короткое свидание в этот выходной в полдень. Прингорская тюрьма. Восточная башня. Приезжай, если сможешь. Я так по тебе скучаю. Учись хорошо! Мы с тобой гордимся! Ты станешь лучшим переводчиком королевства! Держись. Твоя мама».

Я выдохнула. Так глубоко, что, кажется, вместе с воздухом ушла и часть души. Где-то на дне легких осталась только пустота и тишина.

Все в порядке. Папа жив. Его не отправили на каторгу раньше срока без суда. У меня есть время. И свидание, на котором я увижу его и... ничего не скажу о своей затее. И маме тоже. Им и так волнений хватает. У матушки слабое сердце. Да и здоровье. Характер, правда, сильный. А рука — тяжелая...

Вспомнив о последней, на миг прикрыла глаза. Надо успокоиться. Надо снова стать светской стервой. Нельзя, чтобы меня видели такой...

Зажмурилась покрепче, прижала письмо к груди и откинула голову так, что затылок уперся в угол меж оконным откосом и стеной.

Тепло. В академии было тепло — система отопления, хоть и древняя, работала исправно, если не считать ежегодных возгораний в крыле боевиков. Где-то далеко играли на лютне — не очень умело, зато с душой, и на нервах — профессионально.

Сомнения, которые я до этого гнала прочь, вылезли из своих темных углов. А вдруг у меня не получится? Вдруг не справлюсь...

Не поняла, в какой миг пальцы ослабли и письмо выскользнуло. Опомнилась. Распахнула глаза и увидела, как подхваченное сквозняком послание закружилось в воздухе, перевернулось несколько раз и тихо опустилось на каменный пол.

Ринулась за ним, наклоняясь на ходу. Видя лишь смятый для самолетика лист. Но тут чья-то рука — смуглая, жилистая, с длинными пальцами и четкими мозолями на подушечках — подхватила мамино послание быстрее, чем я успела моргнуть.

Как завороченная, я разогнулась, неотрывно следя взглядом за листком.

Сапоги из дубленой кожи, штаны, в оные заправленные, пояс с медной бляхой, рубашка чистого льна, с закатанными по локоть рукавами. Обнаженные предплечья. Сильные. Рельефные. С проступающим у запястья рисунком вен, поверх которых — мелкие росчерки застарелых шрамов: ожоги и резаные вперемешку. Вязь рун, обхватившая запястье точно браслетом...

Взгляд скользнул выше, на широкие плечи, которые не смогла скрыть расстегнутая жилетка.

— Ты обронила, — голос глухой, бархатный... Слушала бы и слушала такой... При других обстоятельствах.

Я, успевшая затормозить, от услышанного резко выпрямилась и оказалась в двух шагах от того самого студента, что привозил бульбу на поле. Тот самый «дурной вкус» настиг меня!

Малефик (да, теперь я могла утверждать, что этот тип явно проклятийник, не иначе: от него буквально разило тяжелой, всепоглощающей тьмой так, что даже я, девица без капли дара, это чуяла) стоял, держа в руках мамино письмо.

И меня словно переклинило. Я зашипела, зарычала и точно кобра метнулась к листу. В этот миг я готова была на все: солгать, украсть, убить, но вернуть себе это письмо!

Брюнет, не ожидавший от меня такой атаки, инстинктивно сделал шаг назад, отводя руку в сторону. Зря! Я ринулась в атаку точно кобра: молниеносно и безжалостно.

Рука дернулась к листу, я шагнула вперед, не глядя, и запнулась о сапог типа. Пальцы схватили лист. А в следующий миг я ощутила, что теряю равновесие и...

Говорят, утопающий хватается даже за соломинку. А падающий — вообще за все, что под рукой. Не перебирая — травинка там, веточка или пола жилетки...

В последнюю-то я и вцепилась, не желая терять равновесия. Только вот была одна проблема: гравитация. Этой заразе было плевать на все: чувства, планы, этикет... она вообще была дамой неумолимой. И потянула меня вниз. И малефика, к которому я пристала точно клещ, тоже.

Уже приготовилась, что сейчас на меня со всей дури рухнет мужское тело (и за дело, к слову, ибо нефиг истерить и хватать все, даже еще то все — и свое!), но к удивлению, брюнет выстоял. И мало того — удержал.

Так что мы на несколько мгновений зависли: маг — от недоумения, я — в прогибе, так что меж моей головой и полом была всего пара ладоней.

М-да... Вроде бы я была сильной и независимой. Вон, даже такого парня за грудки держала, но... Он при этом меня тоже. В своих руках. Одна из них легла на мою талию, вторая — сжала запястье, где под тонкой кожей заполошно бился, как мотылек о стенку светильника, пульс.

Идиотская поза. Идиотская ситуация. Идиотская я, очутившаяся в них обеих. А все потому, что всего на долю мига позволила чувствам взять верх. Нужно было сначала думать, а потом пугаться. Так нет же, браво, Анита, просто браво! Теперь думай, как выкрутиться из этого положения.

Вот мозги напрочь отказывались работать. А все из-за чьих-то глаз. Они смотрели на меня пристально и неотрывно.

А весь мой скромный жизненный опыт подсказывал, что когда парень переставал говорить, моргать и начинал пялиться на меня, то за этим следовали проблемы. И чем дольше длилась такая тишина, тем крупнее оказывались неприятности. От короткой заминки после невинного вопроса «Дай скатать домашку?» (и по итогу неуд обоим, ибо две работы оказались написаны слово в слово) до тишины длиною в маленькую жизнь после мрачного взора молодого законника, грохота ударов сердца о ребра и веской фразы «Ваш отец будет арестован»...

Так вот. Сейчас я угодила даже не в паузу. В вечность. Такую, которая была точно бездонная пропасть между двумя секундами.

Я смотрела в нее, и она в ответ вглядывалась в меня. Манила своим мраком, плескавшимся в глубине. Тянула туда, где нет боли и воспоминаний, что накрывают с головой.

Этот взгляд надо мной... Я под ним почти не дышала. Он словно украл землю подо мной. И держал, не давая сорваться.

А вот седая прядь упала. Расчертила собой мужской лоб, и я словно очнулась. Вынырнула на поверхность из безвременья в холл, где отчего-то стало враз темнее, и тени, еще недавно ютившиеся по углам, осмелели и выползли из своих нор, превратив ранний вечер в густые чернильные сумерки, затопившие все вокруг. И меня. И этого странного типа, который вслед за мной будто пришел в себя, сморгнул.

Его лицо с резковатыми чертами, словно они были выведены быстрыми точными движениями вышнего, помрачнело. Губы, тонкие, чуть приоткрытые, сжались в линию.

Малефик гулко сглотнул, будто только что пробежал от столицы до восточной границы королевства и обратно.

— Осторожнее... — рвано выдохнул он отчего-то севшим голосом. А я ведь его не душила даже... Ну почти. — Ты так ринулась к письму, словно в нем минимум гостайна.

Брюнет перешел сразу на «ты», не задумываясь. Да и не в том мы были положении для светского «вы». К тому же нашу нынешнюю сцепку можно смело приравнять к брудершафту. Да, без пенного в бокалах. Вместо них в жилах бурлила кровь. В моем случае — хорошо разбавленная страхом. Ибо прозвучавшая шутка для меня таковой не выглядела.

Испуг «А вдруг успел прочесть про отца?» затопил сознание, потому ответ получился резким:

— Интересоваться личными делами посторонних — это у тебя привычка или семейная черта?

В следующий миг мужское тело закаменело. Хватка на талии стала железной, и я ощутила себя будто в капкане. А в темноте взгляда, темного, точно первородный мрак, мне почудилось удивление. Словно я случайно открыла дверь, в которую чужим хода нет.

Но это длилось всего долю мига. А после малефик (да, теперь я окончательно уверилась в даре этого брюнета) на миг прикрыл глаза. Когда он снова посмотрел на меня, мне захотелось поежиться. Столько холода не знали и ледники горных вершин.

Я выдержала его взгляд и четко, чеканя каждое слово, произнесла:

— Верни письмо. И меня на место тоже. — Мой голос прозвучал глухо, словно я под этим вымораживающим взором успела простудиться.

— Тебе не кажется, что ты не в том положении, чтобы торговаться?

— Это шантаж? — уточнила я по-деловому, уже приходя в себя.

— Напоминание. — Малефик был сама сухость.

А после — несколько ударов сердца, наполненные гнетущей тишиной. И следом я ощутила, как меня осторожно поднимают. Без рывка, без усилия, будто я весила не больше того самого самолетика, прилетевшего от мамы.

И вот странность: я вроде бы оказалась на ногах, но пола под собой не чувствовала. А вот вину — еще как. Оттого непроизвольно вырвалось:

— Спасибо, — впрочем, эмоций во фразе было ничуть не больше, чем в голосе мага, который отчего-то, несмотря на то что меня поднял, отпустил не сразу: сначала талию, потом запястье. Пальцы скользнули по коже, оставляя след, который я чувствовала после еще долго.

— А что касается твоего вопроса: я не имею привычки совать нос в личное, — прозвучало хлестко.

— Не стоило вообще трогать, — выдохнула я, пряча письмо в карман и отводя взгляд. Все же, чтобы выдержать холод этого типа, нужно иметь немало сил. А у меня их не так уж и много.

Посмотрела в сторону и с удивлением обнаружила, что мрака будто стало меньше. Словно кто-то повернул время вспять и с ним — медовый ранний вечер.

Да нет, быть такого не может. Наверняка мне просто все почудилось... Ну или я схожу с ума. Последняя мысль не понравилась, и я, словно сбегая от нее, вновь взглянула в бесстрастное лицо малефика:

— Что ж, все равно еще раз спасибо! — поблагодарила тоном, далеким от искренней благодарности.

А после развернулась и пошла прочь, стараясь держать спину прямо, плечи — расправленными, голову и достоинство — высоко.

Вот только меж лопаток жег чужой взгляд. Не выдержала, и обернулась, и... Если бы взглядом можно было убивать, то этот малефик был бы огнестрелом.

Крутанулась на подметках так, что косички взметнулись в воздух, а очки чуть не слетели с носа. Поправлять не стала. Плевать. Главное сейчас было уйти. Что я и сделала. И, лишь свернув за угол, прижалась спиной к стене и выдохнула, пытаясь определить: провал это был или еще нет.

По здравому рассуждению выходило второе. Навряд ли за ту секунду, что была у мага, он успел все прочесть. Если вообще пытался. В его слова о том, что он не лезет в чужие тайны, я не верила. Все лезут. Просто кто-то сразу, кто-то — лишь после мучительной борьбы с совестью.

Сомневаюсь, что у этого типа моментальная память, а при отсутствии оной пробежать все послание мамы было бы невозможно... Да и если бы он понял, о чем речь, наверняка бы попытался уязвить этим после моих грязных (оправдаюсь тем, что я после бульбы не успела еще помыться) намеков про привычку шпионить.

— И откуда он вообще взялся? — прошипела я, прокручивая в голове всю встречу.

И если случайное столкновение еще было объяснимо: кажется, я врезалась при выходе из столовой с какими-то студентами и как вариант среди них вполне мог быть этот малефик, который и попытался меня догнать, то вот реакция этого мага на мою фразу про семейную особенность логике не поддавалась. Да, обида. Но не удивление, граничившее с настороженностью. Словно я, сама того не зная, сказала то, о чем знать не должна.

Поломав над этим голову, с шумом выдохнула и послала к демонам и малефика, и его желание помочь, подав письмо. Мне и без странных магов проблем хватает.

С этими мыслями и отправилась к себе в комнату. Мама ждала ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.